

позже чем через пятнадцать дней после того, как придут в Сирию и выполнят свое поручение, вернутся к войску. С этим условием он и уехал, а вместе с ним его племянник Эрве де Шатель, Гийом, наместник епископа Шартрского, Жоффруа де Бомон, Жан де Фрувиль, его брат Пьер и многие другие. Но все они не сдержали своих клятв, ибо в войско так и не вернулись.

В это время в войско пришла весть, которая очень обрадовала всех. Флот из Фландрии, о котором я уже говорил, прибыл в Марсель. Жан де Нелль, шателен Брюгге, который командовал этими силами, вместе с Тьерри, сыном графа Филиппа Фландрского, и Николя де Майи сообщили графу Балдуину Фландрскому, своему сеньору, что зазимуют в порту Марселя. Они попросили сообщить им свои указания и заверили его, что исполнят все, что он им повелит. И по совету дожа Венеции и других сеньоров он приказал им в конце марта отправиться в путь и прибыть для встречи с ним в гавань Медони (совр. Метони на юго-западе Пелопоннеса в Греции. – Ред.) в Восточной Римской империи. Увы! Они повели себя очень плохо, не сдержали своего слова, а отправились в Сирию, где, как они должны были знать, им не свершить никаких подвигов. И могу заверить вас, сеньоры, что, если бы Бог не возлюбил наше войско, оно не могло бы уцелеть, когда столько людей стремились причинить ему зло.

На протяжении зимы предводители крестоносцев переговорили между собой и решили послать депутацию в Рим к папе, который был серьезно огорчен взятием Задара (город, подчинявшийся католическому королю Венгрии! И хорваты католики. – Ред.). Они выбрали послами двух рыцарей и двух клириков, которые, как они полагали, вполне подходят для этого посольства. Из двух клириков один был Невелон, епископ Суасонский, а другой – мэтр Жан де Нуайон, канцлер графа Балдуина Фландрского; из рыцарей один был Жан Фриэзский, а другой – Робер де Бове. По установившемуся порядку они поклялись на святом Евангелии, что честно и преданно выполнят поручение и вернутся к войскам.

Трое скуплезно сдержали свою клятву, а вот четвертый, Робер де Бове, доказал, что верить ему нельзя. Он исполнил обязанности посла хуже некуда и, нарушив клятву, вслед за другими уехал в Сирию. А трое остальных исполнили поручение очень хорошо, все сделав, как им поручили сеньоры. «Ваше святейшество, – сказали они папе, – сеньоры просят вас простить их за взятие Задара, ибо они не могли поступить лучше и из-за отсутствия тех, кто уехал в другие гавани, и потому, что иначе не могли сохранить войско в целостности. Посему они взывают к вам как к своему милостивому отцу, чтобы вы высказали им свое повеление, которое они готовы исполнить».

Папа сказал послам, что хорошо знает, как именно из-за прегрешений других им пришлось действовать таким образом, и что он испытывает к ним глубокое сочувствие; он послал свой привет графам и другим крестоносцам, дал свое благословение и сказал, что отпускает им прегрешения как чадам своим. Он и попросил и повелел им удерживать войско в целостности, ибо хорошо знает, что иначе ему невозможно сослужить службу Богу. К тому же и он предоставил Невелону, епископу Суасонскому, и мэтру Жану де Нуайону право исповедовать и отпускать грехи пилигримам, пока в войско не придёт его кардинал.

Между тем прошло много времени, и уже наступил Великий пост; крестоносцы стали снаряжать свой флот, чтобы отплыть на Пасху. После того как корабли были нагружены, наши войско встали лагерем поближе в гавани, а венецианцы разрушили город Задар, сровняв с землей его башни и стены (Задар был торговым конкурентом Венеции, как и Восточная Римская (Византийская) империя. – Ред.). И тогда случилось происшествие, которое весьма огорчило войско, ибо один из главных командиров армии, Симон де Монфор, заключил соглашение с нашим врагом, королем Венгрии, перешел на его сторону и покинул нас. Вместе с ним ушли его брат, Гюи де Монфор, Симон де Нофль, Роберт Мовуазен, Дрё де Крес-сонсак, цистерцианский аббат из Во и многие другие. А вскоре не замедлил уехать и другой знатный человек из армии, которого звали Ангерран де Бове, и Гуго, его брат, и столько людей из их земель, сколько они смогли увести с собой. Они причинили очень большой урон войску и облекли великим позором тех, кто так поступил.

Корабли и транспорты начали выходить в море. Было решено, что они причалят в гавани Корфу – острова, принадлежащего Константинополю, – и что первые обождут остальных, пока не соберутся все вместе. Так они и сделали.

Прежде чем дож и маркиз де Монферрат с галерами отплыли из гавани Задара, сюда прибыл Алексей, сын императора (свергнутого. – Ред.) Исаака; а послал его сюда германский король Филипп. Он был принят с радостью и великими почестями, и дож предоставил ему столько галер и